

Из солдатского дневника

ЧУДОМ СПАСЕННЫЕ

Оперировали учителя ривания, и через несколько дней перевезли из больницы его квартиру. Дома он жил один, единственный сын учился в Варшаве.

Ученики ежедневно приходили к учителю, проветривали комнату, кормили, и чтобы он не чувствовал одиночества, беседовали с ним на различные темы. Однажды утром пришла Ганна, одна из учениц. Поставив принесенные цветы в цветочный горшок, подошла к постели художника.

— Пан Казаровский знает, что в Варшаве организована выставка его картин?

— Сколько картин выставлено?

Ганна протянула газету. Выставка была организована в связи с 60-летием художника, и это не первая его выставка. Пока учитель просматривал газету, Ганна разглядывала развешанные на стене картины. На углу одной из них на армянском и польском языках было на-

писано: «Озеро Ван. Родина моих предков».

«Пан Казаровский армянин, — думала Ганна. — Предки, значит, тоже. Это озеро должно быть в Армении...»

— Красиво! — произнесла она вслух.

Учитель, услышав, улыбнулся и спросил:

— Нравится?

Вечером постучали в дверь. Это Тигран! Отец, собрав все силы, встал с постели и высохшими губами поцеловал сына. Мать Тиграна, полька, умерла в больнице в день рождения сына.

В один из ясных весенних дней на улице Мицкевича в городе Люблине в доме Казаровских справляли бракосочетание Тиграна и Ганны. Прошли дни. Тигран уехал продолжать учебу в Варшаву. Сдав выпускные экзамены, был призван в Войско Польское. Началась война, коричневая чума вторглась на землю Польши. Машины со свастикой и солдатами в

мышинных мундирах наводнили улицы города. Везде и всюду стрельба, крики.

Как-то зимой, ночью, Тигран пришел домой. Ганна бросилась в объятия мужа. Соскучилась. Тигран поцеловался с отцом, подошел к кровати сына, поласкал его ручки. Тигран знал, что Ганна подарила ему наследника, что называли его Смбатом — по имени деда. Об этом писал его отец.

Тигран из дома не выходил, опасался встречи с немцами. Все же фашисты напали на его след, ночью вторглись в квартиру и увели его с женой. Куда? Никто не знал.

Художник с внуком на руках днями стоял в очереди за хлебом, ночами беседовал с малышом, рассказывал ему о фашизме.

Немцы не забыли и о художнике. В одну из ночей с тысячами других поляков его со внуком тоже загнали в лагерь смерти. А что происходило в лагере за колю-

чей проволокой, стало известно только после вступления Советской Армии на территорию Польши.

Нас, воинов 89-й Армянской Таманской стрелковой дивизии, пригласили осмотреть лагерь смерти в Майданеке. Молодой польский офицер показывал нам лагерь и рассказывал о зверствах, творимых в нем фашистами.

— Вас, наверно, интересует трагедия семьи художника-армянина, проживавшего в Люблине? — Провел нас в одну из уцелевших маленьких комнат, где в кровати лежали трое маленьких детей. За ними ухаживала медицинская сестра. Молодой офицер развернул одеяло, показывая нам худого, желтого, как свеча, ребенка, и из висящего на кровати кисетика достал вчетверо сложенную бумажку, разглядел и прочитал:

«Смбат Казаровский из города Люблин, по национальности армянин, двух лет. Отец — Тигран Казаровский, мать — Ганна Казаровская.» — написано рукой деда-художника, желавшего, чтобы, если внук будет чудом спасен, люди знали, кто он.